

ней всех женщин Востока, даже красивой сестры своей! И она приняла условие незнакомца: ни одна сестра на свете еще не любила так свою сестру. Тщетно заклинал ее визирь отказаться от этой великой жертвы. Мехменз Бану взяла руку умирающей. В серебряной чаше поднялся огонь. Не мог оторваться старый визирь от лица своей госпожи; он медленно бледнел от ужаса: на его глазах исчезала дивная красота, что была ему дороже всего на свете. И тогда он решил заколоться — ведь он любил так, как любят трусы — только для себя. Незнакомец отнял у него кинжал.

Ширин открыла глаза. И не узнала старухи с молодым станом, склонившейся у ее ног.

Прошло одиннадцать месяцев. Четыреста искуснейших мастеров — каменщиков, кузнецов, плотников, ювелиров, живописцев — воздвигали и украшали дворец Ширин — султан. Среди них работал Ферхад. Сказочно талантливым был этот юный рисовальщик. Никто не мог превзойти его в искусстве. Уже четыре дня он не ел и не спал, рисуя орнамент карниза дворца. И, закончив свой труд, он упал в богатейшем сне. А тот, кто посмотрел на его орнамент, востигал в немом восторжении: так чисты и прекрасны были линии рисунка, так горел алый и зеленый цвет его тюльпанов.

И здесь, осматривая дворец, увидели Ферхада Мехменз Бану и Ширин. Красота юноши поразила их обеих. Даже не взглянув на орнамент, Мехменз Бану назначила Ферхада старшим рисовальщиком двора. А юная Ширин, отстав от свиты, бросила яблоко Ферхаду. Он поднял голову. И оба замерли, ослепленные, не в силах отвести взгляда друг от друга.

Так началась их любовь.

Ферхад и Ширин бежали из города.

Во все четыре стороны были посланы гонцы, четыреста всадников мчались по следам беглецов. Как

дьявол сражался Ферхад с окружившими его воинами. Ширин сидела в седле зади него. И только, когда Ширин упала с коня, удалось схватить Ферхада.

Злостью и ненавистью к Ширин жил старый визирь: своей жизнью она отняла красоту сестры. Но и Мехменз Бану ненавидел он теперь не меньше и жестоко мстил, отравляя ее душу ревностью к Ширин; Мехменз Бану, как и сестра ее, любила Ферхада. И пожалела тогда Мехменз Бану о своей великой жертве.

Невыполнимое условие поставила Мехменз Бану: чтобы получить Ширин, Ферхад должен был прорубить Железную гору и пустить воду в город. Но не о народе, гибнущем от свирепого мора, думала Мехменз Бану — ей было все равно, какую воду он пьет. Она хотела испытать силу любви Ферхада и Ширин.

...Уже десять лет ждала Ширин Ферхада. Десять лет его стопудовая палица рубила черные скалы, и не было видно конца трудам. Но народ верил, что Ферхад добудет воду. Лучшие мастера строили на площадях Арена мраморные фонтаны для воды с Железной горы. И Ферхад рубил скалы, чтобы соединить народ с водой и себя — с Ширин.

Новое условие поставила Мехменз Бану. Она послала к Ферхаду Ширин: пусть он бросит свой источник, пусть поселится с любимой в прекрасном дворце. А если он откажется, то вновь долгие годы, может быть десятилетия, не увидит своей Ширин.

Но Ферхад не изменил народу: он не мог быть счастливым, когда страдали и гибли люди его страны. Ширин вернулась во дворец одна.

Каждое утро, на восходе солнца, благословлял Ферхада, у его пещеры собиравший народ, страстно ждущий животворную воду. И с каждым днем все сильнее горела в сердце Ферхада неугасимая любовь к Ширин, к своему народу, во имя счастья которого он совершал свой подвиг.

БЕСПЛАТНО

Московское Городское объединение театрально-зрелищных касс

Л79406 от 12/II—54 г.

Зак. 258.

Тир. 10.000 экз.

Типография изд-ва «Московская Правда».